

Владимир МАЛОВ

ТОТ, КТО ВЕРНЕТСЯ!

Фантастический рассказ

Слева, там, где к шоссе вплотную подходил лес, все было желто-красным: надвинулась осень, а дни стояли солнечные. Воздух теперь был по-осеннему прозрачен и звуки тоже стали осенними — гулкими и отрывистыми, непохожими на приглушенные летние.

Стрелка спидометра колебалась у отметки 100. Впрочем, шоссе в этот час было почти пустым — лишь изредка попадались навстречу длинные коробки служебных транспортов, возвращающихся из порта в город, — и поэтому человек в машине успевал замечать и краски осени. Когда шоссе взлетело на пригорок и сверху открылся вид на громадную территорию порта, человек резко затормозил, поставил машину у обочины и отворил дверцу.

Воздух был теплым. Плиты шоссе тоже нагрелись на солнце. Не так, как нагреваются они летом, в июле или августе, но все-таки от них и теперь поднимались невидимые волны тепла.

Лето промчалось неожиданно и незаметно, пролетело в ворохе неотложных дел.

Человек пересек шоссе и с наслаждением ступил на траву. Медленно вращаясь, в воздухе проплыл желто-красный лист. Человек подставил ему ладонь, но в последний момент лист изменил направление и улетел в сторону. В этот момент он заметил на краю горизонта серебристую каплю. Она медленно увеличивалась, а затем опустилась за дальними постройками. Человек машинально взглянул на часы: французский корабль «Эспуар» сел точно по расписанию.

«Эспуар»... Слово красивое, звучное. Перевод его он знал — «надежда». Он повторил это французское слово вслух, слушая свой голос, и перед его глазами вдруг вновь появился этот кусочек будущего, выхваченный Установкой неизвестно из какого времени, — мелькающие на экране цветные пятна и полосы, голоса двух людей, обрывки разговора, имеющего прямое отношение к нему самому.

Человек встал. Под ногами зашуршали трава и опавшие листья, земля мягко пружинила. Он шел не оборачиваясь, и лес смотрел ему вслед.

Он захлопнул дверцу. Звук двигателя был по-осеннему резок. И, быть может, именно этот звук заставил человека помедлить и задумчиво посмотреть влево.

Колыхались ветви деревьев, исполняя какую-то сложнейшую и сыграннейшую партию в таинственном и вечном танце. Листья срывались с них и отправлялись в короткие полеты по самым замысловатым траекториям. Лес жил своей, ни на что не похожей и ни с чем не сравнимой жизнью.

Теперь человек смотрел вперед, на серебристую ленту дороги. Он знал: лес будет тянуться слева еще километров десять. Потом в его глубине мелькнут постройки научного центра, и среди многих других инструментов покажется на мгновение кристалл Института времени. А потом, еще через несколько километров, шоссе сделает поворот. Лес кончится неожиданно и резко, и возникнут громадное полупрозрачное здание Управления космифлота, длинные корпуса навигационной службы и дальше бетонные плиты причалов. Где-то там, у одного из причалов, стоял готовый к старту «Альбатрос».

I

В лифте Андрей оказался не один — спутницей была белокурая девушка в светло-розовой форме диспетчерской службы. Девушка скользнула взглядом по его лицу, потом по его нашивкам, и тогда в ней сразу произошла какая-то перемена. Глядя прямо перед собой, на план Управления, прикрепленный к стене кабины, Андрей чувствовал, что спутница разглядывает его как-то чересчур уж внимательно. Он посмотрел на девушку, но cabina в этот момент остановилась, и надо было уже выходить.

Углубившись в длинный коридор, Андрей оглянулся и пожал плечами. В нашивках, по его мнению, не было ничего примечательного. По ним можно было только узнать количество времени, проведенного в космосе, и количество рейсов с литерой А —

субсветовых. И того и другого набиралось немало, но до рекордсменов далеко. На куртке был также личный номер. Еще эмблема «Москва» и капитанский знак.

Он снова оглянулся и быстро пошел вперед.

За последний год в Управлении что-то изменилось — коридор, например, поворачивал не налево, как прежде, а направо. У поворота Андрей в нерешительности остановился и сейчас же к нему подбежал робот-путеводитель. Его выпуклые глаза-фотоэлементы слегка повернулись на осях — робот рассматривал нашивки. И тут же электронный справочник проскрежетал с восклицательными интонациями:

— Вам направо! Все правильно! Здание недавно реконструировано! Вас ждут в голубом крыле!

Андрей пробормотал положенные слова благодарности. Номер помещения, где его ждали, он знал: номер был указан на вызове, лежащем в кармане. Андрей повернул направо. Новый коридор не был похож на все остальные. Он оказался вдвое шире и весь искрился голубыми огнями — светились стены, потолок и даже пол. Пройдя немного вперед, Андрей понял: свет этот имел определенное функциональное назначение. Мерцание голубых огней каким-то непостижимым образом заставляло сосредоточиться, концентрировало внимание и волю, видимо, подготавливало посетителя к тому, чтобы во время предстоящего разговора не говорить ничего лишнего, только самое важное и необходимое. Собственно, Андрей и так знал, что разговор предстоял короткий: вызов, пришедший к нему в космогостиницу, мог означать только одно — требование представить отчет об экспедиции на четвертую планету звезды 70 ТВ, с которой только что вернулась «Москва». Отчет давно был готов и лежал сейчас в пластиковой папке, которую Андрей держал в руках. Сдача отчета должна была сопровождаться краткой беседой с Петренко или его заместителем Кругловым, после чего Андрей Ростов, капитан «Москвы», субсветового корабля экстра-класса, мог, видимо, отправляться на все четыре стороны — в отпуск.

Но почему робот знал, куда ему надо идти? А эта девушка?..

Два курсанта, выскочившие из какой-то двери, увидев Андрея, отчего-то остановились. Уже за спиной Андрей услышал негромкие, приглушенные голоса и снова пожал плечами. В Управлении определенно творилось нечто странное. Но теперь он слегка смутился и, уже не оглядываясь, быстро прошел в голубое крыло, разыскал помещение А-312.

Секретарша была суховатой, пожилой и, пожалуй, слегка чопорной. Оторвавшись от зеленой папки с документами, она с большим интересом рассмотрела посетителя с ног до головы и с каким-то непонятным удовлетворением констатировала:

— Так это, значит, вы?

— Собственно, — начал Андрей почти раздраженно, — по моему вызову не мог прийти никто другой. Я хочу сказать...

Секретарша улыбнулась и сразу перестала быть чопорной. В общем-то, она была еще и далеко не пожилой. Ее глаза оказались зелеными и очень теплыми. Она нажала на своем пульте какую-то кнопку, и створки больших дверей сразу же раздвинулись. Это Андрею понравилось: значит, не надо ждать в

приемной, его сразу приглашают войти. Похоже, в Управлении он будет совсем недолго. Как истый пилот, привыкший к просторам космоса, тесных канцелярий он не любил.

— Входите, он ждет, — сказала секретарша чуть ли не ласково, и Андрей переступил порог.

И тогда он растерялся. Потому что кабинет оказался совсем не таким кабинетом, в каких ему приходилось бывать прежде. Этот был огромным, и казалось, что в нем нетрудно заблудиться среди внушительных, чуть ли не до потолка, моделей кораблей, знаменитых в истории космического флота, среди стеллажей с космическими логотипами и книгами, и среди многих других вещей, которые здесь, в Управлении, могли быть только в одном-единственном кабинете. Значит, его вызвали именно сюда. Если так, действительно случилось нечто из ряда вон выходящее.

Это был кабинет генерального директора.

Капитанов кораблей, пусть это даже экстра-классный субсветовик «Москва», к генеральному директору приглашали нечасто.

Письменный стол в кабинете был огромным — не меньше шести квадратных метров. Андрей прежде всего подумал о том, что такой стол должен быть чертовски неудобным: надо иметь руки баскетболиста, чтобы дотягиваться до самых дальних его уголков. Стол подошел бы человеку ростом метра в два, не меньше. И Андрей не удивился, когда навстречу ему поднялся человек именно такого роста.

С вопросительно-утвердительными интонациями генеральный директор пророкотал:

— Капитан Андрей Ростов, капитан «Москвы», прежде первый помощник на «Волге», а еще ранее — второй пилот «Сокола». Выпускник Высших навигационных курсов. Пилот экстра-класса, сто семнадцать полетов, из них двадцать четыре субсветовых и пятнадцать испытательных. Возраст — двадцать девять лет. Садитесь!..

Андрей машинально опустился в кресло. Впрочем, голубые искры в коридоре, видимо, свое дело сделали: его растерянность быстро прошла. Вызов сюда, к самому генеральному, был, разумеется, странным, но никаких особенных грехов за собой он не помнил. Последняя экспедиция прошла строго по графику.

— Я вас понимаю, — медленно сказал громадный человек за громадным столом, — сейчас вы удивлены.

Он все время смотрел Андрею в лицо и как будто чего-то ждал. Андрей повертел на коленях пластиковую папку с отчетом. Он вдруг подумал, что отчет о столь продолжительной и насыщенной экспедиции слишком короток. Но в нем, как ни странно, было изложено все.

Генеральный директор слегка поморщился.

— Отчет вы сдадите моему секретарю, — сказал он сухова-то, — она сама передаст его Петренко. У нас разговор пойдет о другом. Я вас вызвал, чтобы узнать о ваших дальнейших планах.

— По регламенту мне положен отпуск, — осторожно сказал Андрей. — Я собирался поехать домой, в Ливны. Экспедиция продолжалась полгода, и я вместе со всем экипажем...

Он осекся, подумав, что говорить с генеральным директором

об отпуске по меньшей мере смешно — разрешение на отпуск ему дают совсем другие люди.

— Разумеется, отпуск положен! — прогремел хозяин кабинета. — Но меня сейчас интересует, что вы намереваетесь делать дальше?

— Рейсы «Москвы» расписаны вперед на два года.

Генеральный директор встал и прошелся по кабинету. Он смотрел на Андрея с высоты своего баскетбольного роста и о чем-то сосредоточенно думал.

— Давайте не будем терять время попусту, — сказал он наконец. — Экипаж «Москвы» действительно отправится в отпуск. Что же касается вас, вы останетесь здесь. По-прежнему будете жить в космогостинице и ежедневно приезжать в порт. Вы назначены начальником экспедиции на Теллус. Вы, конечно, вправе отказаться, но в космофлоте, помимо писанных законов, есть неписанные.

Андрей отложил папку и тоже встал. То, что было сказано, он понял не сразу. Вероятно, он казался таким изумленным, что лицо генерального директора, и без того добродушное и мягкое, стало совсем уж добрым и обрело мягкость чуть ли не отеческую.

— На Теллус? — выдохнул Андрей. — Не понимаю? Это ведь та же самая экспедиция...

II

У входа в Управление космофлота бил фонтан; здесь же стояли несколько разноцветных скамеек. Если отбросить современный пластиковый вход в здание, венчавший разноцветные ступени, сложенные из лунного базальта, вдруг снова вошедшего в архитектурную моду, фонтан и скамейки вокруг него могли показаться картинкой из далекого прошлого. Но, может быть, человеку именно это и надо: разумное сочетание старого и нового, дерзкое устремление вперед и слегка элегическая память о том, что было когда-то?..

Пластиковая папка была теперь пустой. Андрей положил ее на скамейку и сел рядом, стал наблюдать за радужным мерцанием фонтанных струй.

К мысли о том, что он — начальник первой сверхсубсветовой, Андрей привык не сразу. Сначала была растерянность от неожиданности, потом — какое-то не очень ясное сомнение. Почему именно он? В один миг промелькнуло четкое представление, как это будет: момент старта, потом секундная темнота, потом несколько кратких мгновений полета, и корабль сразу, почти без всякого перехода, оказывается в далеком, чужом и непривычном мире. Это представление показалось дерзким, но именно от сознания дерзости все вдруг и встало на свои места. Он — начальник первой сверхсубсветовой. Ничего очень уже особенно в этом не было.

В фонтанных струях играла маленькая радуга. Ярко светило июльское солнце, и воздух был горячим и влажным. Андрей вытянул ноги, устраниваясь на скамейке поудобнее, и стал собирать

в памяти все то, что знал прежде об экспедиции, начальником которой стал так неожиданно.

Оказалось вдруг, что знал он не так уж много.

Без особой связи с настоящим он вспомнил свою первую субсветовую экспедицию. Тогда старт был ночью, и темная громада субсветовика — это был старичок «Победитель», теперь ставший тренировочной базой для курсантов — стояла в дальнем углу порта, тускло освещенная огнями прожекторов. Все было очень буднично и просто. Стлался сырой туман, и, возможно от этого, когда он шел по мокрым плитам перрона, его вдруг начала бить мелкая неприятная дрожь. Потом — упругое покачивание трапа под десятками ног, металлический скрежет задраиваемого люка, прохладная обивка взлетного кресла. Впрочем, внутри солнечной системы «Победитель» шел с обычной, хоть и очень большой, скоростью. Субсветовой режим начинался за ее пределами. Момент превышения он, признаться, так и не заметил, и надо было, чтобы Юра Иващенко, старый приятель, подмигнул и показал на информационное табло, где появились первые цифры уже совершенно новых полетных характеристик. В общем, ничего примечательного, никаких особенных ощущений не было в тот момент...

Блондинка в светло-розовой форме диспетчерской службы быстро сбежала по ступенькам подъезда и пошла через площадь, огибая фонтан слева. Приглядевшись, Андрей узнал в ней свою недавнюю спутницу по лифту. Девушка куда-то спешила, но успела бросить на Андрея короткий взгляд и, слегка поколебавшись, кивнула ему, как знакомому. Светло-розовая форма была ей к лицу. Блондинкам, подумал Андрей, больше идет голубой цвет; интересно, как бы она выглядела в голубом?

Девушка скрылась в подъезде маленького кубовидного дома, где находилась диспетчерская служба ближних, в пределах системы, рейсов, и Андрей с грустью подумал вдруг, что на Земле он бывает слишком редко...

Так что он знал о первой сверхсубсветовой экспедиции? Слухи о ней ходили уже несколько лет, но лишь недавно стало известно, что она-таки состоится. На Теллус. На очень далекий, манящий Теллус, откуда шли непонятные сигналы, которые никак не удавалось расшифровать до конца.

Андрей сосредоточенно наморщил лоб. Было в этой экспедиции что-то примечательное, такое, чего он никак не мог вспомнить, и что было прямо связано с эффектом сверхсубсветовой скорости. Но что?

Он поднялся и взял папку под мышку. В этот момент снова увидел на ступеньках кубовидного здания розовую девушку и пошел ей навстречу, огибая фонтан. И тут вдруг вспомнил: экспедиция на Теллус могла состояться только в этом году. Или... двести сорок семь лет спустя. Эффект сверхсубсветовой скорости Коровяка — Муртазаева был еще не понят до конца.

III

— Знакомьтесь, — прогремел генеральный директор. — Начальник экспедиции Андрей Ростов. Пилот экстра-класса. Выпускник Высших навигационных курсов. До последнего времени — капитан «Москвы».

Поднявшись с места, Андрей, посмотрел на собравшихся. Их было четверо. Одетые в ярко-красные тренировочные костюмы, они сидели в ряд на длинном диване. Двоих он знал — пилотов-навигаторов Колю Пороховника и Женю Пономарева. Третьим был высокий, дочерна загорелый человек южного типа, которого, как казалось Андрею, он где-то видел. Четвертого он совсем не знал. Это был застенчивый, тихий человек.

Генеральный директор представил их одного за другим. Загорелого здоровяка звали Владимир Ивашкевич. И Андрей вспомнил экспедицию на Кассандру, когда от трех кораблей остался только один, потому что видимая поверхность планеты оказалась оптическим обманом — обманом не только для зрения, но и для приборов — уникальный случай, о котором до сих пор спорят ученые. Этим единственным кораблем, благополучно опустившимся на поверхность Кассандры, командовал Ивашкевич.

Четвертого члена экипажа звали Сергей Крылов. Это был единственный в Управлении специалист по оборудованию сверхсубсветовика.

Было похоже, что генеральный директор стесняется своего роста. Церемонию представления экипажа и командира он постарался провести как можно быстрее и тут же сел за свой громадный стол.

— У вас мало времени. На все тренировки, на освоение корабля, на специальную подготовку — шестьдесят четыре дня. Старт четырнадцатого сентября. Вот план подготовки. — Он легко дотянулся до дальнего стола и подал Андрею зеленую папку. — Особых сложностей, думается, не будет. Сверхсубсветовик в управлении легче, чем любой другой корабль. Экспедиция будет непродолжительной...

— Название корабля — «Альбатрос», — вставил Крылов.

— Один из членов вашего экипажа, — генеральный директор посмотрел на Крылова, — уже прошел специальную подготовку, которую теперь предстоит пройти вам.

Взгляды четырех членов экипажа переместились на Крылова, и Андрей вдруг увидел, что тот невероятно, даже недопустимо для астронавта молод. Значит, от молодости застенчивость и робость? Но, он знал, пройдут годы, и на это лицо ляжет другая печать. На нем отразятся бессонные ночи, смертельный риск, может быть, утраты и поражения. И конечно, дерзкая, неутолимая страсть быть там, где не был никто.

Генеральный директор поднялся из-за стола, пожал им всем руки, и пять человек молча вышли в длинный искрящийся коридор. У выхода уже стояла длинная снгара специальной служебной машины, и Ивашкевич, опередив всех, галантно распахнул дверцы, сказал весело с заметным южным акцентом:

— Ну вот, путешествие началось!

Сверхсубсветовик «Альбатрос» стоял в дальнем углу порта. Когда машина, лавирующая среди громад кораблей экстра-класса и туристских лайнеров, проходящих короткую профилактику, наконец остановилась, Андрей испытал некоторое разочарование. «Альбатрос» меньше всего походил на современный корабль, рядом с «Москвой» он мог бы показаться ее далеким предком. Он был меньше «Москвы» раз в пятнадцать. И вдо-

бавок ко всему цвет первого сверхсубсветовика был невероятно тусклым, отдающим чуть ли не ржавчиной.

Должно быть, на лице начальника экспедиции слишком уж ясно проступило разочарование, потому что юный Крылов улыбнулся ему ободряюще и как-то загадочно.

Ивашкевич, подойдя к кораблю, тронул рукой обшивку и построил забавную гримаску. Пороховник и Пономарев, держа все время рядом, как близнецы, обошли корабль кругом. Сергей Крылов первым поднялся по ступеням трапа и жестом пригласил всех.

Трап слегка пружинил под ногами, как все трапы, какие знал Андрей. Ступив на трап, он всегда особенно ясно и остро ощущал будущий полет.

Рубка управления «Альбатроса» оказалась непривычно маленькой, площадью не более шести квадратных метров. Приборов здесь было на удивление мало, зато кресла пилотов выглядели небывало массивными, конструкции сложной и непонятной.

Каюты приятно удивляли неожиданным комфортом, какого он не видел даже на туристских лайнерах. Кают-компания была отделана дубовыми панелями, на полу — пушистый ковер, на полках буфета — укрепленная в специальных гнездах фарфоровая и хрустальная посуда. Целую стену занимал стеллаж с видеотекой, которой могли бы позавидовать многие собрания на Земле.

В кухонном отсеке — самая обычная автоматика. Скафандры, стоявшие, как полагалось, рядом со шлюзовым отсеком, тоже были обыкновенными, модель Б-12. Дальше — резервуары с водой и холодильники с положенным рационом продуктов. Был даже маленький гимнастический зал и бассейн.

Отсек двигателей — сплошная путаница проводов и блоков.

...Четыре часа занятий утром и четыре часа днем — таков был распорядок дня. Занятия, тренировки, консультации. Огромная группа людей окружала их, специально собранная для подготовки экспедиции — профессора, техники, специалисты различных служб. И в центре они — пять человек экипажа. Характеры, постепенно раскрывающиеся в многочасовых занятиях, в библиотеке, в бассейне, на баскетбольной площадке. Веселая непоседливость Ивашкевича и серьезная невозмутимость Коли Пороховника. Скромность, застенчивость юного Сергея Крылова, и сдержанность Пономарева.

Были воскресные вылеты на Гавайские или другие острова ради короткого отдыха, ватерпольные матчи с командами субсветовиков, экскурсии по музеям и концерты, которые устраивал Ивашкевич, — как выяснилось, он отлично играл на скрипке.

Но прежде всего — занятия и тренировки, занятия и тренировки. Четыре часа утром и четыре часа днем.

IV

Июльский лес был похож на аквариум: сквозь сложное переплетение листьев пробивался зеленоватый свет. Солнце уже начинало клониться к западу, и полутона света были мягкими, приглушенными. Стволы и земля, усыпанная прошлогодней хво-

ей, за длинный день нагрелись, и теперь сами источали тепло, смешанное с чудесным и неповторимым запахом.

Подняв ветку, низко нависшую над тропинкой, Нина обернулась к Андрею.

— Как странно! Чего только не сделал человек на Земле, чего только не построил, а вот лес остался неизменным. Он такой же, каким был много веков назад.

— Он изменился, — пробормотал Андрей, — некоторые растения исчезли, и вместо них появились другие.

Он наклонился и сорвал стебелек, увешанный крошечными фиолетовыми колокольчиками.

— Такого раньше не было!

— Ты так редко бываешь на Земле, а знаешь о ней больше моего.

— Наверное, именно поэтому. В полетах все время думаешь о Родине. Знаешь, по какому принципу комплектуются видеотеки кораблей? Кассеты по истории Земли, по биологии, палеонтологии, этнографии. Каждый астронавт — это прежде всего специалист по Земле. Я знаю ребят, которые в зоологии или, скажем, этнографии не уступят специалистам...

Нина сегодня была не в светло-розовой форме диспетчерской службы, которая была ей так к лицу, а в легком желто-зеленом платье. Андрей осторожно отвел перед Ниной упругую ветку и пошел следом. Сейчас, в этом теплом июльском лесу, ему было очень хорошо, и хотелось, чтобы этот день никогда не кончался. Он посмотрел на часы и вздохнул.

— А вдобавок мой отец был преподавателем ботаники. Он и умер в лесу, у нас под Ливнами, проводя урок.

— Расскажи о себе, — попросила Нина.

— О себе? — Он улыбнулся. — Трудней всего мне давалась учеба. Я даже не знаю, как выдержал. Из десяти человек весь этот путь проходили только двое, остальные отступали, занимались чем-то другим. Ну а потом были экспедиции. Это уже нетрудно, потому что я был готов ко всему. Хотя случалось всякое.

— А у меня все не так! Жизнь на Земле, простая работа. Диспетчер ближней службы! Никаких случайностей, все буднично и привычно. Был, правда, один случай... впрочем, ничего интересного.

Андрей наклонился сорвал одуванчик, подул на него. Посмотрел, как опускаются пушинки, и начал рассказывать о туманах Кассандры, поднимающихся всегда неожиданно. О багровом солнце Прозерпины, в лучах которого быстро таяла корка льда, покрывающая за ночь поверхность планеты. О мягких уютных лощинах с изумрудной травой и прохладными ручьями на красивой планете Эмпаране...

Андрей тряхнул головой. Лес, родной, чудесный, гостеприимный, ласково шелестел листвой и приветливо кивал вершинами громадных сосен. Ничего подобного не было ни на одной из планет. Ничего во всей вселенной не было прекраснее этого леса и этого дня, медленно, незаметно переходящего в теплый, чудесный вечер.

Тропинка сузилась. Теперь ее пересекали узловатые корни сосен. Они вышли к большому муравейнику на краю поляны.

— Давай отдохнем здесь, — предложила Нина и села на поваленное дерево. — Помнишь, как мы впервые встретились. Тогда ты показался мне совсем не таким, как сейчас.

— Каким же?

— Строгим, серьезным. — Нина засмеялась. — Капитан «Альбатроса», шутка ли?!

Солнце опустилось совсем низко. Белокурые волосы Нины стали золотистыми, и на лицо упала тень, сделав его таинственным. Андрею казалось: так будет длиться всегда, вечно...

V

На другой день во время очередного занятия к руководителю подошел какой-то незнакомый человек и, нарушая неписанные законы подготовки экипажа, прервал его на полуслове, положив перед ним сложенную вдвое бумажку.

В окна бил нестерпимый солнечный свет. Он отражался в полированных деталях тренировочных приборов, расплескивался по стенам множеством солнечных пятен. Именно эта игра солнечных бликов и вызвала у Андрея ощущение ирреальности, немислимости происходящего.

Записку принес сотрудник Института времени, того самого кубического огромного дома, который они с Ниной видели вчера в лесу. Андрей тотчас поехал в этот институт, где, как сообщалось в записке, получены какие-то результаты, которые могли быть интересны экипажу «Альбатроса».

Прежде Андрей ни разу не был в Институте времени, и теперь с интересом рассматривал лабораторию с приборами, назначение которых было ему непонятно, установку, будто бы способную пронзять время, высвечивать будущее и показывать на экране его фрагменты.

Уже потом он узнал, как работала Установка. Она пронзала время лучом-импульсом, который, вернувшись назад, приносил информацию из будущего. Сотрудники института надеялись, что когда-нибудь этот луч-импульс станет послушным, его можно будет направить в любую точку Земли, в любой, заранее определенный миг времени, и он вернется из будущего с цветной зрительной картиной и звуковой записью. Но пока что луч приносил лишь смутные образы, выхваченные из самых разных временных отрезков.

Позже они, весь экипаж «Альбатроса», сидели перед экраном Установки. Здесь было еще много людей, они вздыхали и показывали, негромко переговаривались, но иногда наступала мертвая, невозможная тишина. Когда запись обрывочных картин будущего прекратилась, ее начали демонстрировать снова. И Андрей Ростов, сжав ладонями голову, снова стал всматриваться в экран, дожидаясь тех слов, которые где-то в будущем были сказаны о его полете на Теллус.

...В ореоле цветных расплывчатых пятен — берег моря и волны. Берег был совершенно пуст, только на песке лежала забытая кем-то книга. Солнце висело низко, и по волнам тянулась желтая, слепящая глаза дорожка. Неясной была картина, но за-

то очень отчетливыми были звуки: мерный рокот волн, шелест песка.

...В калейдоскопе цветных пятен, резких вспышек, мерцающих огней — огромное здание, не похожее ни на что, — причудливое нагромождение деталей, в которых, казалось, не было никакого порядка. Здание стояло на городской площади, странно безлюдной. Эта картина была совершенно немой.

...Женщина-блондинка в белом халате работала в лаборатории с химической посудой. Здесь все было привычным и совершенно неотличимым от настоящего. Возможно, в этот раз луч-импульс принес кусочек совсем уж близкого будущего, отделенного от настоящего, может быть, днями, поэтому картина была идеально четкой.

...По экрану слева направо полезли пульсирующие разноцветные волны. Цвета вдруг исчезли, и хаос на экране стал черно-белым. Изображение не появлялось, но были слышны какие-то звуки — неясный шорох, протяжный скрип, голоса:

— ...я работал, — сказал мужской голос, — я ничего не знал...

— ...Теллус... космическим экспедициям...

Долгая, продолжительная пауза и мелькание цветowych пятен.

— ...Это что-то невероятное, небывалое, — сказал тот же голос.

Очень короткая пауза, вспышка на экране, затем мелькнули смутные черты мужского лица и снова исчезли.

— ...Печально... Очень, очень жаль...

— ...Неудача... очень тяжело... Из экипажа «Альбатроса»...

Пауза.

— ...Он остался один... остался один... остался один, — с некоторыми промежутками произнес голос, и сразу же на экране вспыхнула картина, относящаяся, бесспорно, совершенно к другому: ослепительно зеленый тропический лес, в глубине которого высилось непонятного назначения решетчатое сооружение. На самом верху его была открытая площадка, где стояли, глядя в одну сторону, несколько человек...

Их было еще несколько, фрагментарных картин, выхваченных из будущего. Потом запись кончилась, ее стали повторять в третий раз. И в третий раз прозвучали эти слова.

— Он остался один... остался один... остался один...

VI

Генеральный директор долго переключал на своем гигантском столе какие-то бумаги, потом внимательно и неестественно медленно читал, надев очки, одну из них, и губы его шевелились, как будто он повторял текст про себя. Дважды в кабинет входила секретарша. Она что-то негромко говорила, и генеральный директор так же негромко отвечал ей. Когда секретарша проходила мимо Андрея, она всякий раз внимательно осматривала его.

Ивашкевич, сидя в кресле напротив, нервно барабанил пальцами по крышке маленького стола. Пороховник и Пономарев, оба в красных тренировочных куртках, разместились на длинном диване и с одинаково напряженными лицами смотрели в

окно, за которым шла обычная, повседневная жизнь порта. Там же на диване примостился Сережа Крылов; он внимательно изучал пол под ногами.

Андрей осмотрел всех четверых. Он думал о том, что ответит каждый из них на вопросы генерального директора.

А что скажет он сам, капитан «Альбатроса»?

Андрей переменял позу и прикрыл глаза. Он многое передумал, а вот сейчас понял, что и сам еще не знает, что ответит, когда придет его очередь отвечать.

Генеральный директор встал и заговорил непривычно мягким голосом:

— Я просил вас собраться, чтобы все решить...

Экспедиция будет, подумал Андрей. Кто-то обязательно полетит, несмотря ни на что.

— Это не ошибка? — быстро спросил Ивашкевич. — Насколько я понимаю, закономерности работы Установки не очень-то ясны даже специалистам...

Генеральный директор понимающе кивнул.

— Об этом уже думали. Была экспертная специальная комиссия, она проанализировала все, что передала Установка. Мнение авторитетных ученых едино: фрагменты, воспроизведенные на экране, действительно были фрагментами из будущего.

В кабинете снова стало тихо. Потом зашевелился Крылов, и у него вдруг вырвалось:

— Невероятно! Чем больше об этом думаешь, тем более невероятным все это кажется. Сведения из будущего... о нас!

— Невероятно! — генеральный директор выпрямился и от этого стал еще выше. — Невероятно то, что первая же передача из будущего принесла информацию о нашем полете как раз накануне его.

С высоты своего огромного роста он смотрел на пятерых людей, сидевших перед ним.

— Невероятно! — еще раз повторил хозяин кабинета, и голос его был тяжелым, усталым. — Но наше дело сейчас не обсуждать этот невероятный факт, не удивляться ему, а подумать, что делать дальше.

Под Ивашкевичем скрипнуло кресло. Крылов оторвал, наконец, взгляд от пола и стал смотреть в окно.

— А теперь, — сказал хозяин кабинета глухо, — когда мы знаем о том, — он кашлянул, — вернее, когда мы можем догадываться о том, что экспедиция окажется крайне тяжелой, может быть, драматической, должен прежде всего сказать вам, как человек, облеченный высшей властью в космофлоте, что каждый из вас теперь.. может теперь... отказаться от участия в ней.

Под Ивашкевичем скрипнуло кресло. Генеральный директор внимательно посмотрел на него.

— Вас за это никто не осудит. Раньше по неписаным законам космофлота вы не могли отказаться от участия в экспедиции, теперь сделать это вы вправе... Что скажете вы, Ивашкевич?

Ивашкевич поднял голову, но ничего не ответил. Казалось, что тишина в кабинете густеет.

Андрей потер ладонями виски. Он ощутил страшную усталость, подумал вдруг, что экспедиция на Теллус — это лотерея, в которой из пяти билетов выигрывает только один. Только од-

ному суждено дойти до конца и понять, ради чего он прошел этот путь. Кому?..

— Но ведь следующая экспедиция на Теллус может состояться только через двести сорок семь лет! — неожиданно резко сказал Крылов.

Генеральный директор медленно качнул головой.

— Да, через двести сорок семь лет.

Лицо его вдруг изменилось, будто его поразила новая, совершенно неожиданная мысль. Некоторое время он словно бы взвешивал ее в уме, а потом медленно, с какими-то странными интонациями, понизив голос еще больше, сказал:

— Вы знаете, что это может значить? Если сегодня мы откажемся от экспедиции на Теллус, значит, информация из будущего относится не к нашей, а к следующей экспедиции. К той, которая состоится двести сорок семь лет спустя.

Все задвигались, возбужденные. Пороховник щелкнул пальцами. Пономарев улыбнулся, а генеральный директор искоса, с каким-то странным выражением посмотрел на Сережу Крылова.

Неслышно через кабинет прошла секретарша и положила на стол пластиковую папку с крупным грифом «Очень срочно!». Генеральный директор отодвинул папку, не заглядывая в нее, и встал.

— Ну что же, — сказал он. — Немедленного ответа я не жду. Подумайте. Приходите ко мне, как решите. Хоть вместе приходите, хоть по отдельности.

VII

«Он остался один... остался один... остался один...»

Андрей открыл глаза. Плотные сдвинутые портьеры создавали в номере космогостиницы полумрак. Подошла Нина и села рядом, положила руку ему на лоб.

— Значит, я заснул?

— Ровно на двадцать минут, — слезала Нина. — Пока я стояла у окна и смотрела, как начинается дождь.

— Дождь? — Андрей упруго поднялся из кресла, быстро пересек комнату, распахнул окно.

В густом сумраке позднего вечера стояла сплошная водяная стена. Нити дождя казались туго натянутыми, они рассекали ветви деревьев и сбивали на землю листья, уже начинавшие желтеть. Дождь наполнял мир густым рокотом и свежим ароматом. Захотелось, как в детстве, когда все впечатления яркие и праздничны, босиком пробежать по лужам.

Андрей закрыл окно, но еще некоторое время смотрел на дождь. Он знал, что Нина следит за каждым его движением, и обернулся.

— Кто полетит? — спросила она тихо.

Андрей задернул штору, и в номере космогостиницы вновь стало тихо.

— Лететь хотели все, — ответил он, — но решено отправить только двоих — меня и Крылова.

— Двоих, — тихо повторила Нина. — А после полета останется один...

Он опустил глаза, глубоко вздохнул и стал ходить из угла

в угол: пятнадцать шагов в одну сторону и пятнадцать в другую. Он ждал, что скажет Нина.

— А если лететь одному?

— Одному нельзя.

— Я знала, что так будет, — тихо сказала Нина. — И я тебя понимаю.

Он посмотрел на Нину, с которой так странно связалась для него эта экспедиция, потому что встретились они именно в тот день, когда Андрей узнал о будущем полете на Теллус, и загрузил.

— Ты ведь даже не успел съездить домой.

— Теперь уже не успею.

Нина зябко поежилась, и он обнял ее.

— А вот ему, наверное, еще тяжелее, — проговорила Нина. — Сергей Крылов — это ведь его сын.

— Сын? — переспросил Андрей. — Чей сын?

— Генерального директора. — Нина хотела улыбнуться, но улыбка не получилась. — Только об этом известно очень немногим. Он считает, что детям только вредит, если их родители знамениты. Особенно, если дети делают то же, что и родители...

Андрей прошелся по комнате. Представил лицо Сергея Крылова и рядом — добродушное, мягкое лицо генерального директора. Пожалуй, лица были похожи. Хотя ростом сын явно отстал от отца.

— И он... он разрешил ему отправиться в экспедицию?

— Об этом ты сказал мне сам, — ответила Нина.

— Его сын, — пробормотал Андрей. — Как ты об этом узнала?

— Я обещала никому не говорить. Но сейчас, наверное, можно. Узнала случайно: я дежурила, когда в моем секторе садился одноместный тренировочный корабль. Кажется, он летал к Марсу или Юпитеру, точно не помню. Редчайший случай: при посадке отказали тормозные двигатели. Пилот был очень юн и не знал, на что решиться. Как полагается по регламенту, я тут же сообщила об этом в дирекцию управления, и в мою диспетчерскую тут же прибежал сам генеральный. Он сам стал вести пилота, и я волей-неволей слышала весь их разговор. Уже потом генеральный директор мне все объяснил и взял с меня слово об этом не говорить никому.

Она замолчала и задумалась.

— Расскажи, как корабль сел? — спросил Андрей.

— Вместо тормозных двигателей пилот использовал мершьюе, но отрегулировал их так, что они только гасили скорость... Когда корабль опустился, генеральный сел в кресло и долго молчал. А потом мне сказал, и эти слова я запомнила: «Если хочешь воспитать настоящего человека, надо с детства дать ему понять, что в первую очередь он должен рассчитывать только на себя самого. Сейчас я ему помог, но это сделал бы на моем месте любой знающий человек».

Если бы пришлось выбирать мне, думал Андрей, я бы, наверное, тоже выбрал Крылова.

Он сел на диван, усадил рядом с собой Нину и обнял ее за плечи.

— Ты считаешь, что тебе непременно надо лететь? — прошептала она.

— Непременно.

Плечи Нины дрогнули.

— Я это знала.

— Наверное, — сказал Андрей, — это банально, но я убежден, что без риска, без трудностей ничего не бывает. Человеку, чтобы он шел вперед и вперед, обязательно что-то должно мешать. Трудности вроде бы помеха, но, совсем не имея их, далеко не уйдешь...

Он тронул рукой волосы Нины, осторожно намотал прядку себе на пальцы и увидел, что в ее глазах заблестели слезы.

VIII

...Слева, там, где к шоссе вплотную подходил лес, краски были уже желто-красными. Воздух был по-осеннему прозрачным, и звуки тоже стали осенними — гулками и отрывистыми, непохожими на приглушенные голоса лета.

Слева, в глубине леса, мелькнули здания научного центра и среди них — вросший в землю кристалл Института времени. Андрей еще глубже вдавил педаль, и тогда ему показалось, что машина не мчится по пустому шоссе, а, приподнявшись над ним, летит.

Он усмехнулся: машина как будто тоже стремилась к сверхсубсветовому пределу и никак не могла его перейти. А сам он это сделает. Поразительное чувство: знать, что совсем скоро Земля останется далеко и само Солнце станет звездой, ничем не выделяющейся среди тысяч других. И что еще немного, и он своими глазами увидит таинственный Теллус... должен увидеть.

Он сбавил скорость, потому что теперь шоссе должно было повернуть направо, и тогда сразу кончится лес, вместо него появятся длинные корпуса навигационной службы и громадное полупрозрачное здание управления.

Въехав на территорию порта, Андрей стал лавировать среди множества кораблей. У элегантного корпуса субсветовика экстракласса «Москва» он на мгновение притормозил. Корабль, его прежний корабль, проходящий профилактику, был сегодня пуст, безмолвен. На несколько десятков дней вернулся он на Землю и вскоре снова уйдет в космос с прежним экипажем и другим командиром. Надежный, верный испытанный корабль, характер которого он, Андрей Ростов, успел узнать, как, может быть, никто другой никогда не узнает.

Он вновь нажал педаль, и «Москва» осталась позади.

И вот он, самый дальний угол порта. Возле невзрачного корпуса «Альбатроса» стояли несколько машин, среди которых была и машина генерального директора. Все обычно, буднично. Это хорошо, подумал Андрей, что ушла в прошлое традиция, когда перед стартом к кораблям собирались десятки тысяч людей и всем участникам таких церемоний было, вероятно, не по себе. Теперь каждый новый старт — это не праздник, а прежде всего дело. Экипаж собирается прямо у корабля, корабль уже готов к старту, свидетели старта — лишь несколько человек, без присутствия которых не обойтись.

Он выключил двигатель и шагнул на теплые плиты перрона. Сергей Крылов, его спутник, был уже среди маленькой группы провожающих. Андрей вздохнул и медленно, не спеша пошел к ним. Нина осталась в городе, он просил ее не приезжать к «Альбатросу».

Слова прощания были очень короткими. Потом — крепкие рукопожатия, и вдруг выпавшие из руки генерального директора очки, тут же разлетевшиеся вдребезги на бетонной плите, и чья-то шутка, старая как мир, прозвучавшая сегодня не очень-то весело: «К счастью!» И как всегда — трап пружинил под ногами. Все было привычно, буднично.

* * *

И снова была осень.

— Экспедиция с Теллуса вернулась! — взволнованно сказал один собеседник другому по видеосвязи. — Ты, наверное, и не слышал об этом?! Ты ведь всегда узнаешь новости последним, потому что неделями не выходишь из лаборатории.

— Конечно, слышал, вся Земля говорит об этом! — ответил второй. — Я РАБОТАЛ... Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ, и вдруг эта новость — «Альбатрос» вернулся на Землю.

— Конечно, нам повезло, что первый полет на ТЕЛЛУС был при нас, — сказал первый. — Сейчас мне просто жаль, что наша работа не имеет никакого отношения к КОСМИЧЕСКИМ ЭКСПЕДИЦИЯМ...

— Ты знаешь подробности?

— Всех подробностей не знает пока никто. Но уже и сам факт... ЭТО ЧТО-ТО НЕВЕРОЯТНОЕ, НЕБЫВАЛОЕ. Впрочем, ждать осталось недолго: скоро мы узнаем больше. Расскажи теперь, как твой опыт?

— Да все то же, — ответил огорченный голос. — Пока сплошные неудачи. К тому же вышел из строя вспомогательный блок, и, значит, опять уйма времени ушла впустую.

— Это, конечно, очень ПЕЧАЛЬНО, — ответил собеседник, — ОЧЕНЬ... Сочувствую, ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, но все-таки в конце концов все получится, должно получиться.

— Просто очередная НЕУДАЧА — только и всего. ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО, надо будет восстановить вспомогательный блок... Расскажи-ка мне лучше... Я слышал, что кто-то ИЗ ЭКИПАЖА «АЛЬБАТРОСА» остался в системе Теллуса?

— Это правда. Мы ведь еще не знаем всех закономерностей эффекта сверхсубсветовой скорости, и поэтому «Альбатрос», собрав самую минимальную информацию, едва установив первый Контакт, уже должен был возвращаться. Сергей Крылов, один из экипажа, остался там с разрешения командира, чтобы установить с теллусийцами настоящую дружбу. ОН ОСТАЛСЯ ОДИН, но, как говорят, не будет чувствовать себя там одиноким. Он ОСТАЛСЯ ОДИН, как в древности исследователи оставались в открытых ими странах, чтобы узнать их больше. Впрочем, он ОСТАЛСЯ ОДИН ненадолго: теллусийцам эффект сверхсубсветовой скорости давно знаком. Они обещали скоро вернуть его на Землю, на своем корабле. Понимаешь, к нам прибудет целая экспедиция...